

хорошимъ и уважительнымъ“. Или выше читаемъ: „Всякому человѣку для того, чтобы дѣйствовать, необходимо считать свою дѣятельность важною. И потому, каково бы ни было положеніе человѣка, онъ непремѣнно составить себѣ такой взглядъ на людскую жизнь вообще, при которомъ его дѣятельность будетъ казаться ему важною и хорошею“ (166 стр.).

Значитъ, не совѣсть руководить поведеніемъ человѣка, не совѣсть вмѣняетъ субъекту совершенные противъ нея преступки, а общественное положеніе, занимаемое человѣкомъ. Это ужъ совершенно новая точка зрѣнія даже и въ томъ случаѣ, если бы рѣчь шла о степеняхъ развитія совѣсти у человѣка и при этомъ приводилась бы въ указаніе жизнь дикаря, у котораго совѣсть находится на самой низкой степени, который считаетъ хорошими поступки, по нашему понятію (при оцѣнкѣ совѣсти) глубоко безиравгственныя, а равно, если бы имѣлась въ виду мертвая или сожженая совѣсть, каковая бываетъ у закоренѣлыхъ преступниковъ. Но вѣдь Толстой толкуетъ вообще о совѣсти человѣка,—о совѣсти судіи, тюремщика, блудника, убийцы и т. д.; онъ говорить о совѣсти христіанина, возстановленной благодатью крещенія, совѣсти значительно болѣе развитой, чѣмъ совѣсть дикаря. И что же оказывается: совѣсть эта настолько эластична, что легко приспособляется ко всевозможнымъ условіямъ жизни человѣка и даже контролируется этими послѣдними. Естественно, что при такомъ взглядѣ на совѣсть, люди извѣстнаго круга не только могутъ держаться своихъ преступныхъ профессій,ничтоже сумняся, но еще считать ихъ „важными и хорошими“. Хорошо воровать, разбойнику убивать, хорошо судѣй или чиновнику взятки братъ.

Наше, слѣдовательно, установленное вѣками понятіе о совѣсти совершенно неприложимо въ данномъ случаѣ, и такие моменты дѣйствія послѣдней, какъ „проснувшаяся совѣсть“, „мучительный голосъ совѣсти“ раскаявшагося преступника, по Толстому, не должны имѣть существеннаго значенія. Остается только добавить, что совѣсть есть одинъ изъ тѣхъ предразсудковъ человѣчества, которые, вмѣстѣ съ религіею, должны пасть впослѣдствіи, расшатанные наукой и просвѣщеніемъ, какъ думаютъ объ этомъ позитивисты.